

деление этнической принадлежности карпов, которые играли важную роль в событиях этого времени. Существует довольно старая традиция, относящая карпов к числу славянских племен. Эта точка зрения, выдвинутая более ста лет назад П. Шафариком, получила известное распространение и в советской литературе, хотя имеется также тенденция считать карпов фракийцами. Последнее слово пока остается за славянской гипотезой: в опубликованной в 1960 г. книге М. Ю. Смишко она подверглась новому рассмотрению и была аргументирована, между прочим, свежим археологическим материалом⁴¹.

Итак, ясно, что датировать начало движения славян против рабовладельческой империи необходимо временем задолго до VI в. н. э., а следовательно, Балканские войны VI—VII вв. должны толковаться как непосредственное продолжение более ранних выступлений славян, действовавших против Рима совместно с другими причерноморскими племенами. Этот вывод получил свое отражение в целом ряде работ советских историков последних лет.

По словам С. А. Никитина, «вторжение славянских племен на Балканский полуостров представляло собою один из эпизодов так называемого „великого переселения народов“ — передвижения племен, связанного с их вековой борьбой против экспансии рабовладельческой Римской империи, закончившейся в конце концов полным ее разгромом»⁴².

Автор усматривает главные причины, толкавшие славян (и другие причерноморские племена) на борьбу с Римом, с одной стороны, в их боязни римской экспансии и стремлении освободить пленных соплеменников, с другой — в торговых интересах⁴³. Будучи сами по себе верными в той или иной степени, эти соображения все же не объясняют существа проблемы. Если до начала III в. (а с очень большими натяжками — до конца IV в.) еще можно говорить об обороне славян (и других восточноевропейских племен) против римской экспансии, то уже знаменитая битва под Адрианополем 378 г. знаменовала собой совершенно иную расстановку сил. Тем более немыслимо рассматривать как оборонительные славяно-византийские войны VI—VII вв. Славяне были в них наступающей стороной. Нельзя также считать решающим стимулом славянского наступления на Византию желание освободить из рабства соплеменников: в источниках мы не находим никаких конкретных сведений об этом; напротив, они свидетельствуют, что сами славяне захватывали рабов во время военных действий.

Что касается экономической стороны дела, то трудно представить, чтобы торговые мотивы могли стать самодовлеющей причиной экспансии. К тому же связи славян с Римом оборвались в III в. н. э. и к событиям VI—VII в. вообще никакого отношения иметь не могут.

Почти во всех общих трудах, затрагивающих проблему славяно-византийских отношений до IX в., обращается внимание на внутреннее положение империи как фактор, благоприятствовавший славянскому наступлению; указывается на тяжелое положение страны, переживавшей в конце VI—VII в. глубокий кризис рабовладельческих отношений; подчеркивается, что движение славян сливалось с революционной борьбой угнетенных масс против поработителей, что основная масса византийского крестьянства видела в славянах не врагов, а союзников и т. д.

Так, З. В. Удальцова с полным основанием указывает на разницу в положении дел в империи в первой половине VI в. и в конце VI—VII в.:

⁴¹ М. Ю. С м и ш к о. Карпатські кургани першої половини 1 тис. н. е. Київ, 1960.

⁴² «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 38—39.

⁴³ Там же. Ср. «Історія південних і західних слов'ян», стор. 11.